

Ежегодный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2013» прошел с 5 по 8 июня в Иркутске. Присутствовало много гостей, один из них – Олег Сергеевич Романов – президент Санкт-Петербургского союза архитекторов Олег Сергеевич Романов, генеральный директор Санкт-Петербургского Института Архитектуры (СПБИА), организатор и руководитель «Архитектурной мастерской Романова» (АМР). Участник и призер международных конкурсов, обладатель «Гран-при» и золотой медали конкурса «Интерарх-83», премии «Хрустальный Дедал». В рамках фестиваля Олег Романов провел мастер-класс, материалы которого использованы при подготовке интервью, данного им члену редколлегии журнала Марине Ткачевой.

Гость фестиваля – Олег Романов

ПРОЕКТ БАЙКАЛ: Я начинаю беседу с традиционного вопроса. Кто для Вас является образцом в творчестве?

ОЛЕГ РОМАНОВ: Мне повезло с учителем – им был Лазарь Маркович Хидекель, один из ближайших помощников Казимира Малевича. В Витебске он был участником УНОВИСа, после переезда в Петроград Хидекель и его единомышленники продолжили супрематизм в архитектурном плане. Архитектурный супрематизм отличается тем, что его точка отсчета – художественная, в нем все идет от формы. Я в своих работах также опираюсь на идеи супрематизма. В современной архитектуре – это Рем Колхас, который сам заявляет, что вырос на русском авангарде. Мой единомышленник – Никита Явейн, мы с ним чем-то похожи. Участвовали в одних и тех же конкурсах (в конкурсе перспективного театра я его переиграл), Никита работал в моей мастерской, когда был студентом. Его творчество мне близко.

ПБ: Как бы Вы сформулировали свое творческое кредо?

ОР: Я – сторонник пластики, скульптурности. Сошлюсь на Андре Блока: архитектура должна быть изобретательной. Я имею в виду, что в каждом шедевре есть что-то такое, что делает его непохожим на другие. И еще – какая-то неправильность. Вот, к примеру, всем известная жилая единица в Марселе Ле Корбюзье, это классика. Мы однажды искали этот дом довольно долго, пока кто-то из местных жителей не догадался: «А,

это дом сумасшедшего!» Почему, казалось бы? А он стоит не так, как все другие дома, вопреки общему порядку. И в каждом выдающемся здании такую неправильность можно найти.

У нас был реализованный проект небольшого жилого дома-вставки с эркерами. Но я поставил сверхзадачу – чтобы эркер был решен пластически, как скульптура. А технические задачи решались уже на основании пластических решений: в этом здании, например, нет площадок, на которых бы скапливался снег (это само по себе – серьезная проблема). Я и студентам говорю, что сверхзадачу ставить обязательно надо, пусть даже вы до нее и не доберетесь – но она должна быть!

ПБ: Мне это очень понятно. Ведь именно решенную сверхзадачу глаз улавливает прежде всего. Хочу спросить, насколько Петербург влияет на Ваше мироощущение?

ОР: Без сомнения, город влияет. У меня был период, когда я вплотную соприкоснулся с архитектурной классикой. Мы занимались реставрацией фасадов, а также в историческом центре повышали этажность исторических построек. Это дало бесценный опыт! То, что дают вузы – это одно, но самый главный учитель – наш город.

Порой я слышу разговоры про «питерский стиль». Я не очень понимаю, что это такое. Вот на Зодчестве особенно хорошо видна разница питерской и московской школ. Питер – город имперский, он заставляет

строже подходить к самой архитектуре. Там купеческого кича быть не может, сам город останавливает: стоп, ты не из нашей компании. Строгость – это не надувание щек, скорее это можно назвать своеобразным аристократизмом в хорошем смысле. А потом уже определяются личные пристрастия, – кто на супрематизм ориентируется, а кто-то, может, и на эклектику. Но при всех условиях главное – чтобы присутствовало достоинство, спокойствие. Кича Петербург не допускает, еще раз повторюсь. Характерный пример – петербургский модерн. Он совершенно непохож ни на московский, ни на провинциальный... Московский очень живописный, а питерский суровый, мрачноватый, с налетом классицизма. Вот типичные фигуры: в Москве – Федор Шехтель, в Питере – Федор Лидваль.

ПБ: Как Вы чувствуете себя, когда работаете не в Петербурге, а в других городах?

ОР: У меня такого опыта немного. Пришлось проектировать в Ухте. Кстати, Ухту питерцы проектировали. Архитектурные решения там достаточно просты, но в градостроительном отношении он очень удачный: компактный, масштабный, с широкими улицами. Работать там мне понравилось. Есть у меня и такая фантастическая идея – чтобы мне в Иркутске заказали что-нибудь проектировать. Если бы такое случилось, то я бы смог войти в этот контекст. Не сразу, конечно. Питерская печать такой «проектировочной строгости» дает о

себе знать, она вошла в само мое мышление. А для проектирования в Иркутске надо себя раскрепостить, историческая архитектура здесь очень сочная, она требует более живописного подхода. Питерская суховатость здесь бы не подошла. Но «дух места» я бы игнорировать не стал. Не секрет, что многие архитекторы с международной репутацией этот дух места игнорируют, они ориентируются на чисто географические, абстрактно-пространственные особенности: север, юг, жара или холод. А контекст... он для них вторичен.

У нас в мастерской достаточный опыт проектирования музеев. Мне кажется, что это дает возможность проникнуться «духом места», позволяет учесть такие региональные особенности архитектуры, которые именно в данном месте будут восприниматься как естественные, само собой разумеющиеся. Ведь пространство, которое мы создаем архитектурными средствами, уже несет в себе время, впитывает особенности стиля. Когда для Русского музея мы проектировали экспозицию «монастыри России» и «золотая кладовая», мы попытались ввести архитектурные элементы в привычное музейное пространство. Получилось оригинальное решение, которое не буквально воспроизводило конструкции монастырских зданий, но создавало атмосферу монастыря. А в «золотой кладовой» витрины были изготовлены как открытые сундуки. Я говорю это потому, что образ места создается не только архитектурными, но и дизайнерскими средствами.

ПБ: На наших фестивалях уже несколько лет возникает тема храмовой архитектуры. Многие архитекторы проектируют храмы. У вас такие проекты тоже есть. Но в храмовой архитектуре, мне кажется, все больше дает о себе знать консервативное начало, традиционность, безусловное следование канону. Как Вы видите отношения между строгими требованиями церковного архитектурного канона и неизменным для любого современно мыслящего архитектора стремлением проявить свою индивидуальность?

ОР: Нам доводилось прикоснуться к этой теме, когда мы выполняли заказ для Музея религии. Мне казалось, что пространство музея надо создавать, опираясь на мостики понимания, общения, чтобы посетитель не просто смотрел на экспонаты, но как бы проходил путь, обозначаемый религиозными канонами. Так получилось с музеем буддизма – пространство напомнило знатокам Путь слона, чисто буддийскую идею. Так что архитектура – это универсальный язык для восприятия замысла.

Это можно было бы даже проиллюстрировать работами моих студентов. У нас на старших курсах есть такое задание, как проектирование храма. При этом главное требование – не нарушать канонов. Мы много разговаривали с иерархами высшего разряда. Они-то как раз не требуют, чтобы сегодняшние храмы были похожи на Псков, Суздаль или Новгород. Кроме самых фундаментальных принципов (ориентация по сторонам света, планировка внутреннего пространства) в остальном предоставляется достаточ-

ная свобода. Основное – чтобы это была русская архитектура. Мне даже довелось спроектировать православную церковь в классицистских традициях (образцом мне представлялась эпоха Львова). Церковь должна была стать частью военного мемориала. Нам казалось, что именно эпоха классицизма напитана духом военного подвига, такие ассоциации были вполне правомерны. Кроме того, я много видел храмов современной постройки. Печально, что они похожи друг на друга, повторяют какие-то тиражные особенности. Хочется проектировать так, чтобы прямых напоминаний о Владимире или Пскове не было. Мне сибирские храмы представляются именно такими оригинальными версиями православного канона. Я говорил о живописности сибирской архитектуры. В том, как раскрашены иркутские храмы, я вижу именно эту живописность. Она не нарушает стиля, а выглядят храмы весьма празднично.

ПБ: Что Вы можете пожелать молодым архитекторам и студентам?

ОР: Я преподаватель, и искренне советую (а от своих студентов даже требую!) побольше работать руками. Очевидна связь между работой руками и мышлением. Кто не рисует, не станет настоящим профессионалом. Его величество компьютер никогда руки не заменит. Где нет преодоления технических трудностей, там нет художественной истинности. Желаю всем успехов и высокого профессионализма!

Марина Ткачева